

нию культурных и исторических ценностей стран и народов лишь англоговорящих стран, что характерно для многих учебных пособий прошлого столетия.

Таким образом, основываясь на данных современных инновационных учебных пособиях серии «Outcomes», можем отметить тот факт, что процессы глобализации, широко распространенные в разных сферах человеческой жизни, также нашли своё отражение в англоязычном образовательном дискурсе. Маркером этого процесса является широкий перечень тем, который носит всё более универсальный характер. Интересное иллюстративное оформление изданий, стремление к расширению поиска и обработки информации через выполнение коммуникативных заданий, попытки расширить дискуссионный материал посредством обращения к прагмакогнитивной составляющей англоязычного образовательного пространства свидетельствуют о важной роли глобализации в актуализации образовательных программ по обучению английскому языку как иностранному.

Литература

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис. 2004.

Кожмякин Е. Образовательно-педагогический дискурс, 2010. <http://www.discourseanalysis.org/st17.html> (дата обращения 16.03.11)

Список источников выборки

Dellar H. Walker A. «Outcomes. Upper Intermediate. Student's book», -UK: Heinle, Cengage Learning EMEA, 2010. P.184

Maris A. «Outcomes. Upper Intermediate. Workbook», - UK: Heinle, Cengage Learning EMEA, 2010. P. 136

Nuttal C. Evans D. «Outcomes. Upper Intermediate. Teacher's book», -UK: Heinle, Cengage Learning EMEA, 2010. P.164

Г.М. Курбангалеева (Россия, Уфа)

ЛЕКСИКА РУССКИХ ГОВОРОВ БАШКИРИИ: НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ¹

Словарный состав русских говоров в целом, в том числе и русских говоров Башкирии, является ценным источником для выявления тех тенденций и закономерностей, которые определяют и обуславливают особенности формирования и функционирования современных диалектных систем, которые, с одной стороны, отличаются большей устойчивостью, зависимостью, открытостью; с другой стороны – повышенной проницаемостью и вариативностью, а по сравнению с системой литературного языка – монофункциональностью [Баранникова, 1991, с.15] (разрядка наша – Г.К.).

Башкирия, а ныне Республика Башкортостан – полиэтнический регион, населенный различными народами с глубоко специфичными национальными культурами, языками, одновременно связанными некой общностью пройденного исторического пути и сближающим их общим слоем культуры.

Так, в современном Башкортостане русские – один из трех наиболее многочисленных (наряду с башкирами и татарами) народов, а согласно переписи 2002 г. численность русских в республике составила 1 490715 чел. (36, 32 % всего населения).

Сельское население – 258 426 русских – распределено по территории Башкортостана неравномерно. Выделяется 5-6 компактных массивов, самый большой из которых занимает центральную часть республики – Уфимский, Иглинский, Чишминский, Кармаскалинский, Благовещенский районы. Непосредственно к этому региону примыкает Бирский район, здесь около половины сельского населения – русские. Компактная группа, около 30 тыс., живет на северо-востоке республики в Дуванском и Белокатайском районах; примерно столько же русского населения в трех южных районах – Мелеузовском, Кугарчинском и Куюргазинском.

Русские говоры на территории Башкирии, как известно, переселенческие. Так, по данным З.П. Здобновой, здесь бытуют те же основные структуры говоров, которые характерны для исконно славянской территории. В северной части республики сосредоточены говоры северного типа (28 н.п.); на территории

¹ Статья написана при поддержке проекта № 10-04-84403а/У Российского Гуманитарного Научного Фонда (Грант «Урал»).

южной части в 34 н.п. выдержана структура южного наречия; преобладают в численном отношении говоры среднерусского типа, акающие (51 н.п.) и окающие (60 н.п.). Как отмечает исследователь, по происхождению среднерусские говоры различны: часть из них сформировалась на исконных землях центральных областей Европейской части России, а часть – в пределах Башкирии [Здобнова 2001].

Лексика русских диалектов на территории Башкирии формировалась в результате сложного взаимодействия различных типов русских говоров с языками и диалектами тюркских и финно-угорских народов, населяющих регион. Хотя динамика языковых изменений, как известно, наиболее очевидна на лексическом уровне, но в диалектных системах не все так однозначно. Систему диалектной лексики отличает большой запас прочности, стабильности, устойчивости. Здесь, как нам кажется, действуют две противоположные тенденции. С одной стороны, в народной среде постоянно идет процесс словотворчества, однако для того чтобы слово закрепилось в данном говоре, оно должно пройти процесс «народной обработки» и получить всеобщее признание в данном языковом коллективе. С другой стороны, процесс утраты устаревших слов идет гораздо менее интенсивно, чем в литературном языке: исчезают, выходят в пассив только те слова, которые потеряли свою материальную основу (номинативная лексика), да и те имеют тенденцию к восстановлению по мере необходимости. Так создается устойчивость диалектной лексической системы.

В частности, в словарном составе русских говоров Башкирии значителен пласт собственно диалектных слов, восходящих к древнерусскому языку: *балакирь* «горшок», *братыня* «ёмкость для разноса пива», *выя* «шея», *днесь* «сегодня», *бердыш* «большой широкий топор», *брезг* «рассвет»: *На брезгу умер* (ср. лит. *брежжит*), *оболокать* «надевать верхнюю одежду»: *Ты чё ни облокаш шубу-ту?* (Бир: Г). Бир: Калинин; Стерлит: Пр., *письмена* «буквы»: *Пис'мена йа знайу* (Бир:Кам), *пёрст* «любой палец руки»: *У иво на пёрст нет стыда!* (Гаф: А). Калт:Л. || Большой палец руки (Бир:Ем); Дюр:К., *руда* «кровь»: *Диржу рукой рану, а руда так и свиш'шит!* (Ал: А), *сретенье* «встреча»: *Ф сретен'йе йему выходила кажный рас* (Бир:Петр). Бир: Коян; Куш: А., *татъ* «вор»: *Тат' один занемок, тък и прътянул ноги прямъ у дороги* (Ал:Мак). Бир: Бик., *шуйца* «левая рука»: *Левуйу руку шуйца нъзывам* (Бир: Пит). Бир: Баз, Петр; Куш: А; Стерлит: Пр. [СРГБ 2008].

Другая тенденция – тенденция открытости, под которой Л.И. Баранникова понимает «наличие общих звеньев у ряда диалектных систем». Однако и эта тенденция «связана не столько с возможностью перехода элементов из одной системы в другую, сколько с сохранением в диасистеме однородных старых явлений, т.е. опять-таки с тенденцией к устойчивости системы» [Баранникова 1991: 17]. Наличие значительного количества совпадающих звеньев обеспечивает возможность общения носителей разных диалектов, повышает коммуникативные возможности этих систем.

Словарный состав современных русских говоров Башкортостана сохраняет сходство с лексикой родственных говоров. Здесь продолжают бытовать слова, которые были характерны для материнских говоров: северных – *кови/ковшок, хват, сковородник, квашня, озимь/озимя, боронить, брезговать, петь песни* и южных – *корец, рагач, емки, чепельник, дежа, зелень/зеленя, скородить, гребовать, играть песни*. Однако «тесные и постоянные языковые контакты представителей разных наречий в полидиалектных структурах приводят к тому, что намечается ослабление противопоставленности соответственных явлений, поскольку происходит проникновение некоторых северных диалектных черт в говоры южного типа и, наоборот, южных – в северные» [Здобнова 2001: 61]. В одной ЧДС сосуществуют противоположные члены соответственного явления, в принципе исключаящие друг друга; более того, зачастую в южнорусские говоры Башкортостана проникают северные лексемы, вытесняя собой южные соответствия, например, северные *зыбка* как в прямом значении «детская колыбель, подвешиваемая к потолку на шесте (реже на пружине)», так и в производном «коляска мотоцикла» [СРГБ 2008: 134] и *баять* «рассказывать»: *А по вечерам скаски байали* [СРГБ 2008: 32] распространены повсеместно.

Обратный процесс – вытеснение северных лексем южными – также наблюдается, но гораздо реже. Так, среди южных слов, прочно утвердившихся в севернорусских говорах Башкирии, встречаются *зипун, люлька, пахатъ, погода* в значении «хорошая погода» [Здобнова 2001: 61]. В этом ряду можно также назвать, например, *гребовать* «брезговать»: *Ты не гребуй, фсё тут своей чистойо* [СРГБ 2008: 81], *брехатъ* «лаять (о собаке)»: *Выт'-ка што-ть собака брешът* [СРГБ 2008: 45-46], *гутарить* «разговаривать, беседовать, говорить, рассказывать»: *Старухи собралис' гутарит'. Шабриха гутарила, што децки костюмчики привезли* [СРГБ 2008: 87], но в основном подобные явления встречаются спорадически.

Как отмечала Ю.П. Чумакова, изоглоссы многих диалектизмов указывают направления переселения: ср., например *запуки* «наговоры, порча» (Бирск.) и *запуги, запуки* «суеверия» (сев. перм., волог. – СРНГ), но *забобоны* «суеверия, выдумки» (Стерлит.) и *забобоны* в том же значении (смоленск., зап.-брянск., белорусск.) [Чумакова 1998: 146].

С другой стороны, в русской диалектной лексике Башкирии, наряду с архаичными элементами, встречаются и новообразования, проникшие в результате заимствования либо из литературного языка, либо из других языков и говоров, и здесь начинает действовать такая тенденция, как проникаемость.

Проникновение в систему новых элементов из литературного языка или других диалектных систем и языков должно было бы вести к изменению адаптирующей системы, утраты ее устойчивости, однако этого не происходит, так как новые для системы элементы в течение длительного времени сосуществуют со старыми, исконными для данной системы, порождая ее повышенную вариативность.

Так, заимствования, возникшие в результате языковых контактов русских переселенцев на территории Башкирии с тюркскими, финно-угорскими и другими народами, характеризуются тем, что их усвоение сопровождается изменением фонетического облика, грамматической структуры и семантики заимствованных слов. Диалект зачастую наделяет заимствование отсутствующими в языке-источнике категориями: рода, падежа и пр. Ср.: *арака* «водка» (обычно о самогоне, изготовленном татарами). *Ран'шъ татары араку гнали* (Белеб: Н). *Кто араки не знат* (Белеб: Н). *У башкир вотка йес' - арака* (Бир: Пит). Байм: Б; Бир: Петр; Фед: П. [СРГБ 2008: 19]. На основе заимствованных существительных уже по законам русского языка образуются прилагательные: *захматный* «слабый, больной» – к башк. *захмат* «тяжесть, мука» [СРГБ 2008: 128].

В силу специфики русского глагола, русский язык, как правило, заимствует глагольную основу и идею действия, а оформляет глагол по моделям русского языка: *закурманить* «зарезать скотину» – к башк. *корбан* «жертвенное животное» и т.п. [СРГБ 2008: 118].

В процессе заимствования осуществляется семантическое преобразование слова. В большинстве случаев значение слова становится уже, чем в родном языке, ибо лексема заимствуется не со всеми значениями многозначного слова, а лишь с одним или несколькими, например: *шарба* «уха»: *Мы пьстаринке рыбачили. Брат говорил: «Мама, шарбы бол'шэ сёдни вари, клади окуней и налцмоф, и йоршэй»* (Бир: Петр), *Шарбу варят из рыбы, картошку, перцу, лавровый лист ложат* (Бир: Ос). Байм: Б; Бак: К; Белок: Н; Бир: Баз, Бик, Г, Калин, Кам, Пит, Сим; Гаф: Т; Калт: Л; Куш: А; Стерлит: Пр. [СРГБ 2008: 395]. В языке-источнике значение слова более широкое «суп», «бульон».

В говоре возможно развитие многозначности иноязычного слова, вплоть до того, что слово может полностью изменить своё исконное значение: ср., *малай* 1. «мальчик-башкир или татарин» *Малай – йеть мал'чик – башкыр или татарский* (Байм: Б). *Ну как жыс', малай?* (Белеб: Н). Бир: Петр; Калт: К. || м. и ж. «мальчик или девочка татарской или башкирской национальности» *Это татары: мален'кый парнишка или дефчёнка, гьворят – малай. Ну и мы – малай дъ малай* (Бир: Петр). || «черноволосый мальчик независимо от национальности» *Думъйу: чей этъ малай бегът* (Гаф: А). Белеб: Н. 2. «о том, кто в помещении не снимает головного убора» *Вот малай: в ызбе ф шапкъ потет* (Белеб: Н) [СРГБ 2008: 191].

По степени освоения иноязычных слов исследователи обычно выделяют лексику освоенную и неосвоенную. В русских говорах Башкортостана неосвоенная лексика, т.е. заимствования, не утратившие непосредственной связи с источником, сохраняющие свойственные исконной лексике фонетические и морфологические особенности, указывающие на иноязычное происхождение, – это довольно многочисленная группа, которая имеет специфику в характере употребления (*абдраган, абыз, алама, апай, айда, айбят, каймак, кумыс, кунак, куян, тау, туй, шадра*). Нередко такое заимствованное слово используется в русском говоре только для обозначения явлений, понятий, реалий, свойственных представителям иноязычной среды. Среди них можно выделить следующие тематические группы:

- 1) названия видов одежды: *азям, башлык, бешимет* и др.;
- 2) слова, называющие продукты питания и напитки: *арака, бал, балиш, балык, икмак, каймак* и т. п.;
- 3) предметы домашнего обихода: *аркалык* «чресседельник», *аркан* «толстая витая верёвка», *баксама* «кошелёк для денег» и др.;
- 4) национальные и религиозные праздники, игры: *туй, ураза*;
- 5) животный и растительный мир: *аю, карга, куян, ялань, яляк* и др.;
- 6) слова-обращения: *агай, апа, апай, бабай, малай, кызым* и др.

В русских говорах Башкортостана достаточно примеров словообразовательной активности тюркских корней, на основе которых образуются новые слова-локализмы: *каймак* «сливки», «сметана» – *каймачный* «с каймаком» – *Нажариши оладушки и пол'йош каймаком, оне каймач'ныи-то укусны* (Бир: Бик); *калым* «выкуп за невесту», «деньги, подарок на свадьбу», «дополнительный заработок» – *калымить* «подрабатывать», *калымщик*, *калымник* «тот, кто подрабатывает»; *кунак* «гость» – *куначить* «гостить»; *курбан* «жертвенное животное» – *курманить*, *закурманить* «резать скот»; *ураза* «мусульманский пост» – *уразничать* «есть в ночное время», *уразовка*, *уразница*, *урозница* «растение зверобой»; *хабар* «судача» – *хабарить* «обмениваться новостями» и др.

Процесс заимствования из тюркских языков в русских говорах Башкортостана продолжает оставаться активным. Хотя среди заимствованных слов и преобладают тюркизмы, встречаются также заимствования из других языков: славянских – *андрак* «расклешенная юбка» (ср. *анарак* в укр., белор, польск.), угро-финских – *чага*, *бака*, *морда*, из немецкого *бронеть* «буреть, созревать», *утрафлять* «угождать» и др.

Заимствования из литературного языка участвуют в образовании подсистемы передового слоя говора, например: *новность* (новость): *Новнъсти какийъ, новъвъ што?* (Бир: Калинин). *Сосетка, послушъй – новнъс'-ть кака: Дар'яа замуш выходит* (Бир: Баз). *Йа ходила за водой, новнъс' слышала. Ты не знаиш?* (Куш: А). Бир: Петр, Сим.; *обои* (овощи): *Моркофка с'вёкла, картошка – обои фся наша збъриглас'* (Игл: З); *паларич* (паралич): *Пъларич' – болез'ня такайа. Руки, ноги отнимайтца. Ударил йево пъларич'-от* (Бир: Ос). *Кума уш другой гот ф пълъриче лежыт* (Бак: К). Бир: Баз, Сим.; *палталоны* (пantalоны, штаны): *Пълталоны кружэвны таки носили мы* (Арх: А); *пензия* (пенсия): *Йа утроботълъс' ф колхозе, пълучяйу восем' пиддисят пен'зийу* (Бир: Сим). *Тол'къ десът' рублией пълучяйу, нь хотели пен'зийу-тъ дават'* (Бир: Пит). Бак: К; Бир: Ос, Петр; Куш: А.; *роганизм* (организм): *Роганизм мой был тогда крепкый* (Иш: П); *рушлак* (дуршлаг): *Можнь пял'мени клас'т' в рушлак, рушлаки пръдайт* (Гаф: Т). *Рушлак висит на своз'де* (Дув: О). *В рушлаке воды ни принесёш* (Бир: Петр). Стерлит: Пр.; *соше* и *сошейка* (шоссе): *Афтобузы йедут пь саиэ* (Стерлит: Пр); *тажэрка* (этажерка): *Муш-та мой хороший был плотник: тажэрки, стул'яа, столы дельл* (Уф: Яр). *Тажэрки были в ызбах* (Уф: П) и др.

Особенно интересны неологизмы, созданные диалектоносителями на основе литературных заимствованных слов и (или) как альтернатива им: *скотоврач* (ветеринар): *Ветенар, или скътоврач которы нъзывают, у нас вот был ветенар, дъ сплыл* (Куш: А). *Корова зъхворала, к скътоврачу надъ сходит'* (Бир: Пит), в том же знач. *скотный врач*; *фотографист* (фотограф): *Фътъграфист снимат на картъч'ки* (Бир: Петр), в том же знач. *съёмщик*.

Таким образом, благодаря таким свойствам диалектных систем, как устойчивость, открытость и проницаемость, они приобретают способность легко включать в свой состав новые элементы, пришедшие из других систем. Действие этих тенденций связано с отсутствием в говорах строгой нормативности, свойственной литературному языку и запрещающей необоснованное вхождение в систему новых элементов. При этом проникновение нового не ведет к интенсивному изменению системы, поскольку не происходит прямого вытеснения старого элемента: в говорах наблюдается длительный период сосуществования старого и нового и отсутствуют примеры быстрого перехода от старого к новому. Возможность длительного сосуществования старых и новых вариантов – одна из важных особенностей диалектных лексических систем.

Литература

Баранникова Л.И. Об устойчивости диалектной системы // Системность в языке, речи, тексте: Межвуз. Сборник научных трудов. Нижний Новгород: НГПИ им. М. Горького, 1991. С. 12-22.

Здобнова З.П. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии. Уфа, 2001. 155 с.

СРГБ 2008 – Словарь русских говоров Башкирии. Уфа: Гилем, 2008. 406 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П.Филина. М.-Л.: Наука. 1965 – 2007, вып. 1- 41 (издание продолжается).

Чумакова Ю.П. «Словарь русских говоров Башкирии» как источник культурно-исторических и лингвистических знаний. // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана: история и современность: Сборник трудов. Часть II. // Изд-е Башкирск. ун-та. Уфа, 1998. С. 145 – 149.